

И все это случилось съ Толстымъ. Онъ сталъ красивымъ, но заразнымъ сосудомъ! Неужели можно чествовать даръ художника, мастерски развивающаго мысли, что „патріотизмъ есть чувство неестественное, грубое, постыдное, неразумное, вредное“ и даже „корыстное“ и „безнравственное“?! Идея патріотизма, заявляеть Толстой, лежитъ въ основѣ государственности и потому „чувство патріотизма должно быть подавляемо и уничтожаемо“. Патріотизмъ, по мнѣнію Толстого, есть орудіе власти правительствъ надъ народами; онъ является средствомъ обмана народа со стороны императоровъ, королей, членовъ парламентовъ, правителей, военныхъ, капиталистовъ, духовенства, писателей, художниковъ и пр., чтобы жить трудами народа. Патріотизмъ, говоритъ Толстой по поводу франко-русскихъ торжествъ въ октябрѣ 1893 г., есть не что иное для правителей, какъ орудіе для достиженія властолюбивыхъ и корыстныхъ цѣлей, а для управляемыхъ—отреченіе отъ чело-вѣческаго достоинства, разума, совѣсти и рабское подчиненіе себя тѣмъ, кто во власти. Онъ есть рабство! („Христіан. и патр.“; „Цатр. и правит.“).

И вотъ того, кто „художественно“ поправль любовь къ отечеству, кто заклеимиль патріотовъ „рабами“, Московская городская дума спѣшитъ услужливо привѣтствовать отъ сердца русской земли! Чтожь, — такова натура рабовъ, что они